

18+

Дина Хастингс

Хроники Мира

След Тисульской принцессы

Дина Хастингс
Хроники Мира. След
Тисульской принцессы

<https://litres.ru/74246392>

ISBN 9785007045537

Аннотация

Мира — начинающий археолог, одержимая поиском истины. Исчезновение родителей стало для нее главной загадкой, которую она готова разгадать любой ценой. Ее путь приводит в суровые сибирские земли, где, по древним легендам, скрыта усыпальница Тисульской принцессы.

Содержание

Хроники Миры	5
История первая	6
След Тисульской принцессы	6
Глава первая. Сон во сне	11
Глава вторая. Ключ к прошлому	61
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Хроники Мира

След Тисульской принцессы

Дина Хастингс

© Дина Хастингс, 2026

ISBN 978-5-0070-4553-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хроники Мира

История первая

След Тисульской принцессы

*Посвящаю эту серию моей дорогой сестре,
чья поддержка и вера в меня стали источником
вдохновения для каждой страницы.*

Глава, которая стоит до начала (или просто слово от автора)

Дорогой читатель!

Эта книга прошла долгий путь. Тот самый, каким и положено идти настоящим историям, не по асфальтированным аллеям, а по проселочным дорогам, через ухабы, черновики, сомнения и поздние ночи, когда единственным светом в комнате горит экран ноутбука. Всё начиналось много лет назад на кухонном столе, заваленном исписанными листами, между чашкой давно остывшего кофе и стопкой научных статей по археологии, которые я перечитывала множество раз. Сперва это были просто отдельные сцены, обрывки диалогов, чьи-то голоса, которые звучали в голове и отказывались замолкать. Потом они начали складываться в нечто большее. Но первая искра пришла ко мне не за письменным столом и

не в тишине кабинета — она пришла во сне. Да-да, именно так: нелепо, по-детски, но абсолютно правдиво.

Случилось это после одной поездки. В тот год я гостила у родственников на Алтае, и, наверное, ни для кого не секрет, что Алтайский край и Алтайская республика — места особенные. Там ветер разговаривает с травами, а горы хранят то, о чём не принято говорить вслух. Там мифы и легенды не кажутся выдумкой — они становятся почти осязаемыми: в воздухе, в запахе старой земли, в ночной тишине, которая слышит тебя лучше, чем любой человек. Спустя время мне приснилась она, Мира. Я не видела её лица, но точно знала, что это она. Она стояла спиной к ветру, смотрела куда-то вдаль, туда, где величественные пики заснеженных вершин царапают небо, и молчала. Когда я проснулась, села за стол и написала первые строки. Всё остальное пришло потом само, словно кто-то очень терпеливый диктовал мне текст шёпотом по ночам. Я лишь записывала. Вот почему я не решусь назвать себя единственным автором этой истории. Скорее её проводником. Тем, кто сидел и слушал, а потом перекладывал услышанное на бумагу, стараясь не испортить, не исказить, не добавить лишнего пафоса. И вот, наконец, эта история добралась до цифрового издательства, перешагнула через все «не получится» и «зачем тебе это». Если сейчас, в эту самую секунду, она у тебя в руках — это маленькое чудо. Просто чудо, которое случилось благодаря твоему любопыт-

ству. Ты взял и открыл, не прошёл мимо. Спасибо. Спасибо, что ты есть.

Знаешь, я не хочу тебя ни в чём убеждать. Не буду обещать, что после прочтения ты проснешься другим человеком или внезапно решишь переехать к морю, а может и вовсе заняться тем, что тебе больше всего по душе. Я вообще не люблю громких обещаний, они слишком легко рассыпаются, стоит к ним прикоснуться. Вместо этого я хочу предложить тебе небольшой, тихий разговор.

Представь, что мы сидим друг напротив друга в старой комнате с чуть скрипучим полом, где за окном моросит дождь, пахнет чаем и бумагой, а время течет совсем иначе: неторопливо, по-домашнему. И я рассказываю тебе историю. Не сенсацию, не выдумку для глянцевого обложки, а просто историю одной девушки. Её зовут Мира. Она не супергерой, не избранная, не спасительница мира. Она просто та, кто ищет. И, кажется, именно поэтому она стала мне так близка. За время своего пути в мире археологии Мире пришлось пройти через многое. Через испытания, о которых не пишут в официальных отчетах. Через встречи, которые не объяснишь наукой. Через опасность, что крадется не из-за угла с ножом, а приходит иначе — тихо, почти неуловимо, прячась в тенях древних стен и в мерцании подводных глубин. Она узнала, что прошлое из учебников и музейных витрин

не всегда бывает предсказуемым. Иногда оно дышит. Иногда — зовёт. А иногда — требует ответа. Но ни слова больше. Не сейчас.

Сейчас, когда книга у тебя в руках, я чувствую странное облегчение. Потому что любым историям нужно звучать. Им нужен слушатель. Им нужен ты. Я не знаю, кто ты. Может, ты студент, который ищет приключения между парами и экзаменами. Может, человек, который сам потерял когда-то что-то важное и теперь бродит по чужим страницам в надежде найти отголосок собственной истории. А может, ты просто любитель хороших повестей или романов, которые хочется читать под одеялом с фонариком, забыв о времени. Кем бы ты ни был — спасибо, что ты здесь. Спасибо, что заинтересовался этой историей.

Если какая-то глава покажется тебе слишком медленной — отложи книгу, выпей чаю, выгляни в окно. Если вдруг затянёт, постарайся не торопиться, не проглатывай страницы, дай себе время побыть внутри. Потому что многие истории, как и наша жизнь, не терпят суеты.

Итак, я замолкаю. Дальше будет говорить Мира. Она тебе расскажет о своем пути, о встречах, потерях и надеждах. А я отойду в сторону, чтобы не загораживать свет. Приятного тебе путешествия, читатель. И помни: иногда самые глав-

ные тайны прячутся не за семью замками и не на дне океана. Иногда они живут внутри нас. А иногда и между строк, в той самой тишине, которую мы решаемся нарушить.

С искренним теплом и верой в чудеса, твой автор.

Глава первая. Сон во сне

Он думал, что молчание — его защита.

Он знал о её родителях. Он знал о ней всё.

Но он не учел одного:

Она сможет докопаться до истины

и принять её какой бы она не была.

Двадцатое сентября две тысячи первого года

Балтийское море, борт экспедиционного судна

«Кажется, мы наткнулись на нечто грандиозное.»

«Сегодня наше судно совершило один из последних рейсов перед тем, как навсегда встать на якорь и превратиться в музей-корабль. Пока учёные, налаживали связь со спутниками и собирали данные с околоземной орбиты, наша команда погрузилась в исследование морского дна.

Поводом для этого послужили кадры, сделанные телеуправляемым аппаратом на глубине трёхсот двадцати метров, в районе Ландсортской котловины. Камера запечатлела сооружение, поразительно напоминающее пирамиды Гизы. После долгих споров, мы решили взять снаряжение и поочередно спуститься под воду: хотелось не просто доверять видеозаписи, но увидеть всё своими глазами.

Когда мы выбрались на палубу, наши друзья из Уфы, присоединившиеся к экспедиции, были переполнены энергией и радостью. Они перебивали друг друга, возбуждённо размахивали руками, рассказывая о найденной пирамиде. Я же едва сдерживал внутренний трепет, в котором смешались благоговение перед древностью и нетерпеливое предвкушение разгадки. Не знаю, как им, но мне страстно захотелось понять: кто и зачем воздвиг эту пирамиду здесь, в морской глубине?

Во время сеанса связи с берегом на борту поднялся оживлённый шум. Господин Си Жень и Мэй Лин, младший научный сотрудник Китайского института геолого-географических исследований, настояли на том, чтобы лично изучить находку. Наш координатор Анатолий был категорически против повторного погружения, предупреждая об опасности, но их это не только не остановило, но, как мне показалось, лишь раззадорило. В итоге мы спустились под воду всей компанией, включая гостей.»

За окном незаметно сгущались сумерки, пока Мира, забыв о времени, погружалась в мир дядиных записей. Глубокая ночь уже накрыла город, но девушку это не волнова-

ло: единственным источником света оставалась настольная лампа, выхватывающая из полумрака пожелтевшие страницы старого дневника.

Три года назад она с отличием получила диплом археолога в Российской академии наук, однако её карьера оборвалась, так и не начавшись. Родители категорически запретили ей участвовать в полевых экспедициях. Их страх был осязаем и понятен: брат её отца, дядя Владимир, исчез без вести во время своей последней экспедиции и больше никогда не вернулся. Эта травма стала тенью, нависшей над семьей. Но именно этот строгий запрет, словно вызов судьбе, подтолкнул Миру к тайному изучению его наследия.

— Раз нельзя искать истину «в поле», я найду её здесь, — решила она тогда. Пусть хоть так.

Перелистывая хрупкие листы, Мира всё чаще ловила себя на тревожном ощущении: пропавший родственник не просто вел заметки, он отчаянно пытался оставить послание. Недописанные фразы, обрывающиеся на полуслове, странные символы рядом с географическими названиями, зашифрованные координаты... Ей казалось, что каждая буква кричит о предупреждении, которое дядя не успел или побоялся озвучить вслух.

Желая структурировать хаос мыслей и уловить скрытые закономерности, девушка аккуратно отложила тетрадь. В ти-

шине квартиры раздался тихий щелчок: она взяла со столика телефон и активировала диктофон.

— Объект исследования: личный архив Владимира Александровича, — произнесла она в микрофон. Её голос прозвучал непривычно четко и сухо, отсекая лишние эмоции. — Фиксирую факты. Даты. Маршруты. Ключевые имена. Координаты, отмеченные красным карандашом.

Она методично, как следователь, перечисляла разрозненные данные, превращая эмоциональные заметки дяди в холодный протокол. Никаких домыслов, только суть. Сохранив аудиозапись, Мира вздохнула и снова вернулась к дневнику, чувствуя, что разгадка где-то близко, стоит лишь правильно сложить пазл.

Старые записи пахли сыростью и временем. Мира провела пальцем по выцветшим чернилам, перечитывая строки в третий раз. Буквы плясали перед глазами, но смысл оставался неизменным и пугающим.

Отец когда-то рассказывал ей об этом шёпотом, боясь, что мама услышит. После той экспедиции к подводной пирамиде дядя Владимир вернулся другим человеком. Прежний жизнелюбивый исследователь исчез, уступив место замкнутому призраку, который сутками сидел у окна, всматриваясь в темноту. В редкие минуты просветления, когда разум его

ненадолго возвращался из глубин, он твердил одно и то же, словно мантру:

— Я забыл важную деталь. Я обязан вернуться. Обязательно вернуться.

Спустя год после того странного открытия дядя собрал единомышленников — тех, кто верил в легенды больше, чем в здравый смысл. Они отправились на поиски той самой аномалии в Балтийском море и растворились в воде, не оставив даже обломков лодки.

Мира отложила дневник. Голова гудела. Логика отказывалась принимать эту одержимость: зачем добровольно плыть туда, где человек теряет рассудок? Где спокойствие сменяется животным ужасом? Она откинулась на подушку, чувствуя, как тяжесть век тянет ко дну сна. Мысли путались, превращаясь в вязкую тьму. Так, балансируя на грани яви и небытия, она и провалилась в сон.

Сон начался обманчиво тихо. Мира оказалась в своей квартире, но воздух здесь был густым, почти осязаемым. Из кухни доносились приглушенные голоса — знакомые интонации, спор, переходящий на крик.

Она шагнула через порог и замерла. За столом сидели её родители. Напротив них, сжав кулаки так, что побелели ко-

стяжки, стоял дядя Владимир. Они яростно спорили, жестикулировали, но слов было не разобрать — будто звук заглушала толща воды.

Стоило Мире сделать шаг навстречу, желая вмешаться, разговор оборвался мгновенно. Тишина ударила по ушам громче грома. Родители медленно, синхронно повернули головы к ней.

Крик застрял в горле. Вместо любимых лиц девушка увидела грубые, почерневшие каменные маски. Гладкие, лишённые эмоций поверхности с пустыми, зияющими провалами вместо глаз. Эти чёрные дыры смотрели прямо в душу, высасывая тепло и жизнь. Холодный пот проступил на спине, парализуя мышцы.

Мира рванулась назад, задыхаясь, и открыла глаза.

Реальность встретила её тишиной собственной спальни. Сердце колотилось где-то в горле, руки судорожно хватали воздух, пытаясь найти опору.

— Мам? Пап? Вы дома? — голос прозвучал хрипло и неуверенно, эхом отразившись от голых стен.

Ответом была звенящая пустота.

Девушка, всё ещё дрожа, тихо прошла в родительскую

спальню. Кровать была идеально заправлена, угол одеяла подвернут с математической точностью. На полках лежали нетронутые вещи: книги, фотографии, сувениры. Пыль танцевала в луче утреннего солнца. Никого.

Они уехали на раскопки в Кемеровскую область несколько лет назад. И так же, как дядя Владимир, исчезли бесследно. Никаких писем, никаких звонков. Только эта давящая неизвестность.

Мира выдохнула, чувствуя, как ледяной панцирь страха медленно трескается. «Слава богу, — пронеслось в голове. — Я проснулась. Это был всего лишь кошмар».

Она ощутила под босыми ногами твердый, холодный паркет. Реальность. Надежная и понятная. Девушка повернулась, чтобы выйти из комнаты, оставить этот липкий ужас позади.

Но вдруг воздух за её спиной сгустился. Температура в комнате резко упала, дыхание стало видимым белым облачком. Мира вздрогнула от внезапного, пронизывающего холода и медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, обернулась.

Перед ней стояли отец и мать.

Их фигуры были слегка размытыми, словно их видели

сквозь толщу мутной воды или густой дым. Они не дышали. Они просто стояли, протягивая к ней руки. Пальцы были бледными, почти прозрачными. В их взглядах, если это можно было назвать взглядом, читалась не злоба, а отчаянная, бездонная мольба. И ещё что-то... Что-то древнее, чужое и пугающе знакомое, что заставило кровь Миры застыть в жилах.

Они хотели не обнять её. Они хотели забрать её с собой.

Звук, похожий на звонок будильника, вырвал девушку из объятий сна. Мира машинально отмахнулась от телефона, заглушая сигнал, и решила не открывать глаза. Ещё пару минут она хотела понежиться в теплой постели. Комнату уже заливали солнечные лучи, а за окном шумели машины и щебетали птицы.

В этот момент бесшумная пушистая тень запрыгнула на кровать и уверенно направилась к изголовью, чтобы нарушить отдых хозяйки. Достигнув цели, Товарищ Майор принялся тереться своей шерстяной мордой о щёку девушки, щекая кожу и издавая громкое, утробное мурлыканье.

Мира нехотя открыла глаза и тряхнула головой, прогоняя липкий остаток ночного кошмара. Это резкое движение вызвало явное недовольство хвостатого обитателя квартиры, который как раз собирался устроиться поудобнее у неё в изголовье. Кот фыркнул и демонстративно повернувшись задом перешёл в ноги. Мира слабо улыбнулась этому знако-

мому ворчанию. Реальность возвращалась медленно: запах парфюма исходящий от постельного белья, тишина квартиры, тяжесть одеяла. Она машинально протянула руку к изголовью и наткнулась на старый дневник, лежавший у самой подушки. Бумага тихо зашелестела под её пальцами.

Девушка глубоко вздохнула, пытаясь успокоить колотящееся сердце. «Это был всего лишь сон, — повторила она себе, хотя вид дневника напоминал, что причины для беспокойства вполне реальны. — Просто сон, навеянный дядиными записями».

Внезапно резкий, настойчивый звонок опять разрушил утреннюю тишину. Мира потянулась к телефону и, взяв трубку, поднесла её к уху. Едва контакт установился, как в динамике зазвучал нетерпеливый голос брата. Словно он ждал ответа целую вечность:

— Мирка, соня, вставай. Ты что, забыла? У нас сегодня встреча с профессором. Он обещал помочь собрать новую экспедицию. Или ты передумала ехать за своими родителями?

В его тоне звучали не только нетерпение, но и тревога, смешанная с обидой.

— Какой сейчас час? — зевнула девушка. Она понимала: Слава имеет полное право сердиться.

— Без пяти восемь. Встреча через час. — Голос брата стал жёстче. — Я тебе вчера два раза напоминал. Ты что, опять

отключила звук?

— Будильник... я его не слышала, — прошептала она, садясь на кровати и растерянно смотря на прикроватную тумбочку. Механический будильник, заведённый с вечера сиротливо стоял возле зарядки для телефона, его стрелки тихо отсчитывали минуты приближая встречу с человеком от которого зависела будущая поездка Миры. Сигнал прозвенел целый час назад, а она проспала, уткнувшись лицом в подушку. «Чёрт бы побрал эти дядины записи! Зачем я вообще взялась за них вчера на ночь?»: мысленно выругалась девушка.

В трубке повисла тяжёлая пауза. Потом брат резко выдохнул, словно после долгой задержки дыхания.

— Мир, без тебя он даже разговаривать не будет. Ты же слышала про упрямый характер профессора. Пожалуйста, не опаздывай.

— Через полчаса буду. Обещаю. Только не ворчи. — девушка виновато посмотрела на телефон.

— Окей. Жду в вестибюле университета. Не успеешь, пенный потом на себя, — буркнул брат в трубку и отключился.

Мира рывком сбросила одеяло, села на край кровати и, натягивая на ходу джинсы с футболкой, босиком направилась в ванную. В коридоре под ногами закрутилась наглая пушистая морда которая до этого нарушила покой Миры. Кот требовательно мяукнул и ткнулся носом в её лодыжку. Девушка на секунду задержалась, погладила его по спине и

кивнула в сторону кухни. Там автоматические поилка и кормушка с тихим жужжанием как раз выдали свежую порцию корма и долили воды в миску.

— Товарищ Майор, води себя тихо. Я скоро вернусь. Сам себя обслужишь, договорились?

Кот издал низкое, вибрирующее «мр-р», выражая крайнее неодобрение: любая автоматизация была ему принципиально чужда. Кот демонстративно отвернулся от кормушки, сел, выпрямив спину, и с важным видом принялся умыть переднюю лапу. Этот ритуал он совершал всякий раз, когда видел, что Мира куда-нибудь собирается. Наблюдать, в такие моменты, за ним было смешно: он выглядел как оскорблённый аристократ, которому вместо благородного тунца подсунули дешёвую колбасу. Пару секунд спустя Товарищ Майор снова бросил многоговорящие взгляды, но на сей раз сначала в сторону одевающейся хозяйки, затем туалета: «Ты ещё пожалеешь. Вот вернёшься — увидишь размотанный рулон туалетной бумаги по всей прихожей». Для убедительности фыркнул ещё раз и направился к «монстрам», лишившим его возможности вымогать вкусности лично. Сначала кот важно ткнулся носом в миску автоматической поилки, проверяя свежесть воды. Убедившись, что там не слёзы его нелегкой кошачьей судьбы, он перевёл взгляд на соседнюю чашу с кормом. Ноздри дрогнули: еда пахла восхитительно. И пусть обида на хозяйку была велика, пропускать завтрак означало бы нарушить священные принципы выживания.

С тяжёлым вздохом, полным вселенской скорби, Товарищ Майор шагнул к миске. Он ел медленно и с таким видом, будто оказывал бездушной технике огромную честь своим присутствием.

Мира наблюдала за этим спектаклем и не могла сдержать улыбки. «Настоящий самодержец, — подумала она, — Царь всея квартиры и повелитель консервных банок».

Утро не прощало опозданий. На сборы оставались считанные минуты, которые таяли быстрее, чем лед в стакане. Мира, едва успев привести себя в порядок, на ходу застегнула молнию куртки и вылетела за порог, Лестничная клетка встретила тишиной и запахом пыли — соседи давно разъехались по своим делам, оставив подъезд в сонном оцепенении. Выбежав на улицу, девушка окинула взглядом парковку. На придомовой парковке, под серым небом раннего утра, одиноко стояла её малышка «Хонда», терпеливо ожидая свою хозяйку. Девушка скользнула за руль, и мотор послушно зарычал, отвечая на её нетерпение. В городе уже кипел утренний хаос. Ленинский проспект, главная артерия района, был парализован бесконечной вереницей автомобилей. Мира бросила быстрый взгляд на часы: пятнадцать минут до встречи. Пятнадцать минут, которые могли растаять в пробке. Она терпеть не могла заставлять людей ждать; для неё пунктуальность была вопросом уважения, а не просто привычкой.

Решение пришло мгновенно. Резкий поворот руля, визг

шин, и «Хонда» нырнула в темную пасть ближайшей арки. Узкие улочки, петляющие между старыми хрущевками и дворами-колодцами, стали её спасением. Здесь, в лабиринте спальных районов, машина летела легче, обгоняя время, пока широкий проспект задышался в выхлопных газах.

Парковка у поликлиники напоминала поле битвы за каждый клочок асфальта. Мира, стиснув зубы, маневрировала между рядами машин, пока наконец не заметила освободившееся место. Резко затормозив, она заглушила мотор, и тишина салона на мгновение оглушила её после шума двигателя. Не теряя ни секунды, девушка схватила сумку с пассажирского сиденья и выскочила наружу.

Холодный утренний воздух обжег лицо, но Мира уже мчалась вперед, пересекая сквер широкими, уверенными шагами. Впереди, словно декорация к историческому фильму, возвышалось здание университета. Строгий итальянский неоренессанс с его четкими линиями и высокими окнами утопал в лучах встающего солнца и мохнатых елей с вечно-зеленым самшитом, создавая удивительный контраст вечной классики и буйства природы.

Тяжелые двери распахнулись, впуская её внутрь. Фойе встретило привычным гулом: эхом шагов по мрамору, отрывками лекций и студенческим смехом. Светлые стены и геометричная строгость интерьеров действовали успокаива-

юще, возвращая в то время когда она была студенткой.

Мира не бежала. Бег выдал бы панику, а паника была ей чужда. Она лишь чуть выпрямилась, поправила воротник куртки, сбрасывая с себя остатки дорожной суеты, и ровным, размеренным шагом направилась к лестнице. Её взгляд был сосредоточен, а темп — неизменно быстр, словно она плыла против течения времени, уверенно рассекая пространство.

Заметив сестру, Слава стоявший у лестничных перил, лениво помахал ей свободной рукой. В его позе читалось нарочитое равнодушие, но глаза выдавали облегчение.

— Я уж думал, ты растворилась в утреннем тумане, — проворчал он, протягивая ей бумажный пакетик. — Держи. На полноценный завтрак у тебя, как обычно, времени не нашлось.

Мира улыбнулась, принимая дар. Она знала эту особенность брата: по телефону он мог быть резким и нетерпеливым, стоило чему-то пойти не по плану, но при личной встрече его строгость таяла, превращаясь в привычное, почти домашнее ворчание. Это была его форма заботы, понятная только им двоим.

Она сделала осторожный глоток горячего кофе. Аромат обжег нёбо, согревая изнутри.

— А где профессор? — спросила Мира, чуть отведя

взгляд, чтобы скрыть довольную улыбку.

В этот момент мимо них прошла женщина лет сорока в строгом твидовом костюме. Она крепко, до побеления ко-
стяшек, сжимала толстую папку, явно переполненную доку-
ментами. Внезапно навстречу вылетел студент, опаздываю-
щий на пару. Столкновение было неизбежным. Папка вы-
скользнула из рук женщины, ударилась о пол и раскрылась,
рассыпав вокруг десятки файлов с бумагами.

Пока растерянный юноша, багровея от стыда, опускался
на корточки, собирая разлетевшиеся листы, женщина навис-
ла над ним, тихо, но яростно отчитывая за неуклюжесть. Её
голос звучал как шипение пара перед взрывом.

— Идём, — не оборачиваясь на инцидент, произнес Сла-
ва.

Он повёл её по широкой мраморной лестнице на второй
этаж. Под сводами царила особая, торжественная тишина,
нарушаемая лишь эхом их шагов. Вдоль стен, в тяжелых ра-
мах, висели портреты и фотографии учёных разных эпох —
суровые мужчины с пронзительными взглядами и женщины
в высоких воротниках, казалось, наблюдали за каждым дви-
жением студентов.

Огромные колонны, уходящие вверх, и высокие сводча-

тые потолки создавали ощущение величия и неприкосновенности знаний. Глядя на эту архитектуру, Мира поймала себя на желании примерить на себя другой образ. Ей вдруг захотелось стать барышней девятнадцатого века в длинном платье, которая, прижимая к груди книги, с трепетом и благоговением спешит по этим самым ступеням на лекцию, веря, что истина где-то совсем близко.

Когда они поднялись в просторное фойе второго этажа, воздух здесь казался чуть более разреженным и наполненным предвкушением чего-то важного. В этот момент дверь третьей аудитории бесшумно отворилась, и на порог буквально выпорхнула девушка.

Она была одета с безупречным вкусом: мягкий кашемировый костюм нежного бежевого оттенка подчеркивал её хрупкость, а легкие движения придавали образу воздушность. Девушка замерла на мгновение, затем повернулась лицом к полумраку коридора, заглядывая внутрь аудитории.

— Анатолий Викторович, — её голос прозвенел чисто и звонко. — Насколько я понимаю, вы хотите включить меня в экспедицию по поиску тисульской принцессы?

На её веснушчатом лице, напоминающем о беззаботном детстве, играла озорная улыбка. Она явно ждала ответа, и он не заставил себя ждать. Из глубины кабинета донёсся спо-

койный, уверенный голос. Девушка кивнула кому-то невидимому за дверным косяком.

— Хорошо, я тогда предупрежу родителей, — произнесла она, и в её тоне сквозила готовность к приключению.

— Арин, не забудь передать Евгению, чтобы он тоже собирался. Договорились? — Голос из-за двери звучал мягко, но с той самой настойчивостью, которая не терпит возражений. Собеседник, видимо, ждал подтверждения серьезности намерений. Озорная искорка в глазах Арины сменилась сосредоточенностью; она снова кивнула, уже более серьезно.

— Всё, можешь идти, — завершил разговор мужской голос.

Арина еще раз улыбнулась, развернулась и, сделав несколько шагов назад, не глядя, уперлась спиной в чью-то грудь.

— Ой! — вырвалось у нее короткое восклицание.

Осознав, что врезалась в стоящего позади человека, девушка мгновенно залилась густым румянцем. Смушение накрыло её волной: она резко отскочила в сторону, пробормотав едва слышное извинение, и пулей рванула к лестнице, стараясь как можно быстрее исчезнуть из поля зрения свидетелей своей неловкости.

Мира, наблюдавшая за этой сценой, медленно вошла в аудиторию. Её взгляд скользнул по светлому, залитому первыми лучами солнца помещению. Запах старой бумаги, мела и тишины ударил в голову знакомым коктейлем воспоминаний. На губах Миры невольно появилась теплая, немного грустная улыбка: эти стены напомнили ей другие, те которые хранили эхо её собственных студенческих лет, когда мир казался таким же большим и полным тайн, как история о тисульской принцессе.

В кабинете, смежном с гулкой аудиторией, царила особая, застывшая тишина. За массивным дубовым столом сидел седовласый мужчина в мягком твидовом костюме, который, казалось, впитал в себя запах старой бумаги и пыли веков. Он неспешно перебирал листы, его пальцы скользили по краям документов с механической точностью, словно он искал не информацию, а саму суть вещей, скрытую между строк.

Услышав шаги, профессор оторвался от бумаг. Его взгляд, спокойный и глубокий, поднялся на вошедших. В серых глазах не было ни тени улыбки, лишь холодное, аналитическое внимание. Сначала он изучающе осмотрел молодого человека, а затем перевёл взгляд на девушку. И именно здесь его сосредоточенность дрогнула.

Взгляд профессора задержался на Мире. Она поразитель-

но напоминала знакомыми чертами ему одну женщину из прошлого. Ту самую, что много лет назад так же решительно переступила порог этого кабинета. Тогда она была его лучшей студенткой, а позже — блестящим археологом, чьё имя гремело в научных кругах. Тот же чуть склонённый набок профиль, та же живая, неуловимая зелень глаз, обрамлённых густыми чёрными ресницами. Русые волосы, небрежно собранные в пучок, из которого выбились непослушные пряди, придавали ей вид растрёпанного воробья, готового к полёту.

Мужчина нахмурился. Несколько секунд он всматривался в лицо девушки, пытаясь сложить разрозненные фрагменты памяти в единую картину. И вдруг уголки его губ дрогнули. В сознании всплыл яркий образ: Ирина, сияющая от возбуждения, сообщает о странной находке, способной перевернуть представление о легенде «Спящей красавицы». Она просила помощи, верила в успех. А потом... Потом была тишина. Группа молодых учёных, отправившихся за истиной, исчезла бесследно. И вместо сочувствия организаторы экспедиции обрушили на них обвинения в растрате средств, очернив их имена грязью лжи.

— Проходите, — тихо произнёс профессор. На его губах появилась едва заметная, грустная улыбка, адресованная исключительно Мире.

Он аккуратно отодвинул стопку документов к краю стола и сложил руки перед собой, переплетая пальцы в замок. Видя, что молодые люди всё ещё неуверенно мнутя у порога, словно боясь нарушить хрупкость момента, он повторил мягче, но настойчивее:

— Проходите. Почему вы остановились на пороге? Здесь не музей, чтобы любоваться экспонатами издали.

Брат наконец шагнул вперёд, занимая позицию сбоку от сестры, словно щит.

— Анатолий Викторович, позвольте представить: это моя кузина, Мира, — произнёс Слава. — Мы с вами неделю назад договаривались о сегодняшней встрече.

Тон, которым он представил сестру, заставил Миру удивлённо вскинуть брови. Она привыкла слышать его командный, порой ворчливый голос, но сейчас он звучал непривычно мягко, почти заискивающе. Это был голос человека, который понимал: в этом кабинете решается не просто судьба встречи, а, возможно, ключ к разгадке всей их семейной тайны.

Профессор чуть склонил голову набок, словно взвешивая невидимые весы, и его внимательный, пронизывающий взгляд скользнул по лицу девушки. Затем он медленно от-

кинулся на спинку стула, позволяя себе минуту передышки. Его пальцы, до этого сжатые в напряжении, разжались, и ладони спокойно легли на прохладную поверхность столешницы. На губах вновь заиграла едва уловимая улыбка — мягкая, придающая его задумчивому лицу оттенок неожиданной теплоты и участия.

— Значит, ты дочь Ирины и Андрея? — произнес он негромко, скорее утверждая, чем спрашивая. В его голосе слышалась глубокая задумчивость.

Мира коротко, почти незаметно вздохнула. Из рассказов Славы она знала: человек, сидящий сейчас напротив неё, был не просто знаком с её родителями — он был частью их мира, их тайн и их жизни.

— Вы что-то знаете о маме и папе? Их нашли? — спросила она прямо, не отводя взгляда от глаз профессора. В этом вопросе звучала хрупкая, но отчаянная надежда на положительный ответ, на чудо, которого она ждала так долго.

Анатолий Викторович почувствовал как воздух в комнате словно стал гуще. Мира заметила, как его пальцы, ещё недавно спокойные, медленно сжались в белый кулак, выдавая внутреннее напряжение.

— К сожалению, у меня нет сведений об их местонахож-

дении, — признался он, и каждый звук в этой фразе казался весомым и окончательным. — Андрей и Ирина перестали выходить на связь два года назад. Это случилось уже после того, как они приступили к работам на месте раскопок. Поисковая группа, прибывшая туда всего через неделю, обнаружила лагерь полностью заброшенным. Там не было ни следов борьбы, ни признаков поспешной эвакуации, ни даже намёка на катастрофу. Словно люди просто встали из-за стола, оставили недопитый чай и... исчезли. Бесследно. Ты ведь помнишь, какой шум тогда подняла общественность? Сколько теорий, слухов и домыслов родилось за эти годы?

Видя упрямый взгляд девушки, готовый ему возразить, профессор решил объяснить всё по порядку, чтобы Мира поняла масштаб тайны, с которой работали её близкие.

— В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году в селе Ржавчик экскаваторщики при разработке угольного разлома наши пустоту, — начал свой рассказ Анатолий Викторович. — На глубине нескольких десятков метров обнаружилась древняя гробница, сложенная из тёмного камня, не встречающегося в близлежащих окрестностях. В центре подземной камеры стоял пьедестал, а под ним находился абсолютно прозрачный гроб с мраморными вставками. Сквозь его стенки была видна молодая женщина необыкновенной красоты. Позже находку называли Тисульской принцессой. Гроб был заполнен розовой жидкостью, которая не замерзала и не мутнела со временем. Тело в ней выглядело так,

будто женщина уснула всего несколько часов назад. Саркофаг отправили в новосибирский институт, но по пути содержимое бесследно исчезло. Вагон нашли пустым: ни осколков хрусталя, ни капли той самой жидкости.

Учёные, которые первыми осмотрели находку и прикоснулись к гробу, спустя время один за другим сошли с ума. Они без конца повторяли одну фразу: «Всех, открывших саркофаг, настигнет смерть». Вскоре эти люди погибли от неизвестной болезни. А их тела, по свидетельствам врачей, через пару дней превратились в красную пыль, не оставив даже костных останков. После этого жители села долгое время слышали по ночам плач и вой, доносившиеся из разлома. Самые впечатлительные клялись, что видели статную девушку, появляющуюся у руин и исчезающую с первыми лучами солнца.

Прошли десятилетия. В начале восьмидесятых годов другая экспедиция случайно обнаружила в Ландсортской котловине структуру, напоминающую пирамиду. Датировка шокировала исследователей: сооружению оказалось не менее десяти тысяч лет. В кулуарах институтов сразу всплыло имя Тисульской принцессы. Многие журналисты имеющие связи среди ученых заговорили о тайной связи между балтийской находкой и сибирской гробницей: якобы они принадлежали к единому древнему комплексу, предназначение ко-

торого человеческий разум постичь не мог. Но очень скоро доступ к любым данным о тех раскопках оказался полностью засекречен военными.

Однако спустя годы Андрю и Ирине удалось получить правительственный грант и разрешение госструктур на изучение аномальных зон, после чего в сопровождении военных они отправились в село Ржавчик. Андрей и Ира надеялись найти следы исчезнувшего хрустального гроба и понять его связь с ландсортской пирамидой. Почти месяц они вели раскопки, снимали видео, ведя дневники. А потом связь оборвалась.

В заброшенном лагере нашли последние записи. Дрожащим почерком там было выведено что-то о голубом свечении, пробивающемся из глубины разреза. Камера видеонаблюдения у входа в объект зафиксировала жуткую картину: люди выходили из палаток, направлялись к разлому и один за другим растворялись в воздухе, не оставляя даже теней. Но самым странным было другое: неизвестная сила утащила пару человек прямо под землю, она появилась из ниоткуда в виде живых лиан, которые оплели туловище людей и просто втянули в землю. Заброшенный лагерь военная прокуратура запретила разбирать, заново поставив на этом деле метку «Секретно». Ученые, в свою очередь, продолжали надеяться, что однажды им разрешат отправить туда новую экспе-

дицию. И вот наконец свершилось, на запрос о размещении раскопок пришёл положительный ответ.

Мира слушала, затаив дыхание. Воздух в кабинете казался густым и неподвижным, наполненным пылью веков и недосказанностью. Только её пальцы, до побеления костяшек вцепившиеся в край старого дубового стола, выдавали внутреннюю бурю. Дерево под её руками было шероховатым и холодным, но девушка этого не чувствовала — всё её существо сосредоточилось на каждом слове профессора.

Анатолий Викторович тяжело выдохнул, словно сбрасывая с плеч невидимый груз, и поднял на неё взгляд. Его глаза, окруженные сетью морщин, были усталыми, но в их глубине теплился внимательный, проницательный свет.

— Нет, Мира, никто достоверно не знает, куда они делись, — произнес он негромко, почти шепотом, чтобы не спугнуть хрупкую тишину. — След оборвался внезапно, как обрывается нить. Но... есть человек, который специализируется на изучении подобных необъяснимых явлений. Аномалий, которые наука пока не может объяснить. Он войдет в состав новой экспедиции. Возможно, именно он сможет пролить свет на исчезновение твоих родителей.

Сердце Миры пропустило удар, а затем забилось где-то в

горле. Она подалась вперед, не в силах больше сдерживать рвущиеся наружу эмоции.

— Анатолий Викторович, можно мне тоже поехать? Пожалуйста.

Её голос дрожал, но не от страха или неуверенности. Эта дрожь была вызвана лихорадочным возбуждением, нетерпением и жадой действия, которые кипели в ней годами. Это был крик души, загнанной в рамки теории и лекций.

Профессор нахмурился, его брови сошлись на переносице. Он медленно покачал головой, вспоминая давний разговор.

— Но твои родители, Мира... Они были категорически против раскопок. Они хотели для тебя другой жизни. Безопасной. Академической.

— Я знаю, — тихо ответила девушка, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь, который когда-то горел у её матери. — Я помню их слова. Но посмотрите на меня. Какой же я археолог, если ни разу не была в экспедиции? Если никогда не касалась земли, хранящей тайны древних цивилизаций? Теория без практики мертва, Анатолий Викторович. Вы же сами прекрасно знаете это. А я хочу жить, изучать, приме-

нять свои знания. И я хочу найти их. Не ради сенсации, а ради истины. Разве это не то, чему вы учите? Анатолий Викторович внимательно посмотрел на девушку. В её глазах, широко открытых и неподвижных, читалась такая стальная решимость, что любые слова казались лишними. Это был не детский каприз и не минутное увлечение — это была цель, выкованная годами тишины и вопросов без ответов.

Профессор медленно развел руками в жесте бессильного признания поражения. Конечно, формально он мог отказать. Мог сослаться на протокол, на безопасность, на её недостаточный опыт. Но внутреннее чутьё, отточенное десятилетиями работы с людьми и древностями, шептало ему иное: Мира не отступит. Если он закроет перед ней официальную дверь, она полезет через окно. Она найдёт способ присоединиться к экспедиции — с благословения университета или тайком, с членами команды или в одиночку, — но свою затею найти следы родителей она не оставит ни при каких обстоятельствах. Лучше уж контролировать этот процесс, чем пускать его на самотек.

— Ладно, — наконец произнес профессор, и в его голосе прозвучала тяжелая усталость человека, который знает, что совершает ошибку, но не видит другого выхода. — Но при одном условии: вы поедете вместе с братом. Вячеслав будет отвечать за тебя головой. Так мне будет хоть немного спо-

койнее.

Лицо Миры мгновенно преобразилось. Суровая маска сосредоточенности растаяла, уступив место сияющей, почти ослепительной улыбке. Она быстро, сбивчиво поблагодарила профессора, едва сдерживаясь, чтобы не броситься ему на шею, и буквально выскользнула из кабинета, оставив за собой шлейф легкого парфюма и возбуждения.

Как только дверь закрылась, Анатолий Викторович опустился в кресло, чувствуя, как напряжение последних дней отпускает его. А где-то в коридоре, среди шума шагов и гула голосов, Мира шла легкой походкой, ощущая невесомость. Наконец-то мечта, казавшаяся недостижимой, становилась реальностью. Впереди были не пыльные лекции и теоретические выкладки, а живая история. Она сможет применить свои знания на практике, прикоснуться к тайне своими руками. И, возможно, именно там, в земле, скрытой от глаз обычных людей, она найдет ответ на главный вопрос своей жизни.

Как только дверь за спиной Миры захлопнулась, отрезая их от кабинета, Анатолий Викторович резко повернулся к Вячеславу. Маска спокойствия спала, обнажив усталость и тревогу.

— Ох и настырная твоя сестра, — профессор покачал го-

ловой, и в его голосе проскользнули нотки бессильного раздражения, смешанного с невольным уважением. — Характером вся в Ирину. Та же упрямая складка у губ, тот же огонь в глазах, который невозможно погасить логикой или запретами.

Он поморщился, словно вкус во рту стал горьким от неприятных воспоминаний, и провел рукой по лицу.

— Приглядывай за ней в поездке, Вячеслав. Серьезно. И ещё: как я говорил ранее, с вами едет господин Си Вэй. Не обольщайся его молодостью. Этот человек разбирается в археологии лучше многих моих аспирантов и ученых, и кроме того, владеет боевыми искусствами на уровне, который может спасти вам жизнь там, где бессильны пистолеты. Я передам ему ваши контакты. Будьте на связи. Каждую минуту.

Словно услышав это имя, дверь кабинета снова бесшумно отворилась. На пороге возникла высокая, подтянутая фигура. Азиат был одет просто, но со вкусом, подчеркивающим его физическую форму: черные джинсы и темный облегающий лонгслив, ткань которого натягивалась на рельефных мышцах плеч и рук при каждом движении. Лицо его частично скрывала глубокая тень от козырька бейсболки, делая выражение глаз неразличимым, но от этого присутствия веяло холодной, собранной опасностью.

Молодой человек на секунду задержался в дверном про-

еме. Его взгляд, быстрый и цепкий, пробежал по аудитории, оценивая пространство, выходы и людей, прежде чем остановиться на профессоре. Он шагнул внутрь, двигаясь бесшумно, как кошка.

Анатолий Викторович улыбнулся, указывая рукой на вошедшего:

— А вот и он...

Вячеслав коротко кивнул на прощание и шагнул за порог, вслед за сестрой. Перед тем как дверь окончательно закрылась, он бросил на вошедшего короткий, холодный взгляд — оценивающий, настороженный, словно хищник, изучающий нового зверя в стае.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением старого кондиционера. Профессор Анатолий Викторович и его спутник, черноволосый азиат Си Вэй, остались одни. Взгляды их были обращены на закрывшуюся дверь, но читались в них совершенно разные мысли. Профессор смотрел задумчиво, с тяжелой грустью человека, который знает цену прошлому. Си Вэй же наблюдал с живым, почти хищным интересом. Его темные глаза блестели: он размышлял, позволит ли ему его друг долг взять эту девушку с собой в экспедицию, или же старые клятвы окажутся сильнее.

Анатолий Викторович отвел взгляд от двери и уставился в пустоту, погружаясь в воспоминания. Ему казалось, что он снова видит ту пару — молодых, горящих энтузиазмом Ирину и Андрея. Они точно так же выпорхнули из этого кабинета много лет назад, окрыленные предвкушением великих археологических открытий. Их глаза сияли той самой опасной искрой, которая часто приводит либо к славе, либо к гибели.

Тогда, пытаясь остудить их пыл и защитить будущее их маленькой приемной дочери от судьбы родителей, профессор дал жесткое обещание. Он поклялся, что их дочь никогда не ступит ногой на поле раскопок. Чтобы слова не разошлись с делом, он даже написал собственноручную расписку — документ, по которому готов был немедленно сложить с себя полномочия и уйти в отставку, если нарушит данное слово. Бумага до сих пор лежала в нижнем ящике его стола, желтея от времени, как немой свидетель его принципиальности.

И вот этот день настал. Обещание было нарушено. Дверь захлопнулась и судьба отправила Миру навстречу опасностям, которые профессор так старательно от нее оберегал.

Анатолий Викторович тяжело вздохнул и посмотрел в глаза своему старому другу. В его взгляде читалась мольба, скрытая за маской академического спокойствия.

— Си Вэй, присмотри за ними, — тихо произнес профес-

сор, и голос его дрогнул. — Я не хочу, чтобы дочь Ирины и Андрея вместе с братом вляпалась в какую-нибудь историю. Не хочу повторения... ты понимаешь, о чем я.

Молодой человек ответил легкой, почти неуловимой улыбкой и медленно кивнул. Ему было понятно беспокойство русского друга; он видел боль, скрывающуюся за строгими линиями лица профессора. Три дня назад они договорились об этой встрече, и все это время Си Вэй ломал голову над сложной этической головоломкой: как мягко, но настойчиво подтолкнуть Анатолия к нарушению клятвы, данной когда-то в порыве эмоций. Теперь, когда решение было принято, груз ответственности частично перешел на его плечи.

Удовлетворенно кивнув еще раз, словно закрепляя негласный пакт, Си Вэй перевел взгляд на окно, за которым исчезли фигуры Вячеслава и Миры. Игра началась.

Конец марта выдался на редкость щедрым. Утреннее солнце, словно уставшее от долгой зимней спячки, щедро лило свое тепло на озябшую, промерзшую за долгие месяцы землю. Воздух звенел от прозрачной свежести и предвкушения перемен. На городских клумбах, еще недавно скрытых

под слоем грязного снега, уже робко проклюнулась жизнь: хрупкие белые головки подснежников, словно маленькие фонарики, пробивались сквозь прошлогоднюю прель, возве- щая о победе тепла над холодом.

Деревья, стоящие вдоль улиц, только начинали просы- паться. Их оголенные, черные стволы казались уязвимыми, но в каждой ветке уже пульсировала скрытая сила, готовая вот-вот разорвать почки и укрыть мир пышной зеленой кро- ной.

Люди, измученные бесконечной серостью и холодами, жадно впитывали эти первые по-настоящему теплые дни. Улицы пестрели контрастами: одни, самые смелые или нетерпеливые, уже сбросили с плеч громоздкие дубленки и тяжелые шубы, облачившись в легкие весенние куртки; дру- гие же, более осторожные, все еще кутались в мех, не дове- ряя обманчивой ласке марта. Но даже те, кто спешил по сво- им неотложным делам, находили мгновение, чтобы остано- виться. Они подставляли лица солнцу, щурились от яркого света и довольно улыбались собственным мыслям, чувствуя, как тепло проникает под кожу, растапливая внутренний лед.

Город, еще вчера казавшийся усталым, серым и хмурым стариком, сегодня словно умылся и принарядился к празд- нику. Асфальт блестел, а в глубоких лужах, оставшихся по-

сле ночного таяния снега, зеркально отражалось бездонное голубое небо, превращая обыденную улицу в перевернутый мир чистоты и света.

Даже вечные городские жители — воробьи — поддались общему настроению. Они оживились, суетливо чирикают и купаясь в теплых лужицах, брызгаясь водой и задорно ссорясь из-за каждой найденной крошки. Их возня звучала как музыка пробуждения. Весна вступала в свои права неспешно, с достоинством, но уверенно. И каждый, кто выходил в этот час на улицу, кожей чувствовал: зима окончательно отступила, уступая место новой жизни.

Когда Мира с братом вышли из университета, девушка всё ещё улыбалась. Наконец, после стольких лет изучения дядиного дневника и долгой учёбы, у неё появилась возможность не просто увидеть раскопки, но и самой принять в них участие.

— Славка, пойдём в кафе. Отметим предстоящую поездку! — Глаза Миры горели от предвкушения.

Мимо неспешно прошла молодая семья. Отец, склонившись над коляской, строил уморительные гримасы, вытягивая губы трубочкой и тараща глаза, лишь бы вызвать улыбку на лице своего крошечного пассажира. Ребенок, захлебыва-

ясь беззвучным смехом, дрыгал ножками в такт отцовским стараниям.

В небольшом скверике, утопающем в золоте опадающей листвы, на скамейке грелась на солнце пожилая женщина. Рядом с ней возилась внучка — лет пяти девочка в ярком пальто, — которая пыталась научить крошечного йоркширского терьера давать лапу. Песик, похожий на ожившую плюшевую игрушку, послушно выполнял команды, за что тут же получал похвалу и ласку. К ним подошла какая-то женщина, присела на корточки и начала о чем-то оживленно рассказывать, указывая рукой на собаку.

Мира наблюдала за этой идиллией, и уголки её губ сами собой поползли вверх. Пятилетняя девочка с питомцем... Воспоминание накрыло её теплой, чуть ностальгической волной. Именно в этом возрасте она ежедневно, с упорством, достойным лучшего применения, умоляла родителей подарить ей собаку. «Ещё рано, Мира. Для живого существа нужна ответственность», — твердил отец. А вместо щенка он принес домой огромного, почти метровой высоты, плюшевого пса.

Тогда она не поняла всей глубины родительского отказа. Ей просто хотелось быть как соседская Лена, у которой был настоящий друг с мокрым носом и виляющим хвостом.

— О чём задумалась? — голос Славы вырвал её из прошлого.

Брат проследил за её взглядом, заметил девочку с терьером и понимающе хмыкнул.

Мира пожала плечами, продолжая улыбаться:

— Да так. Вспомнила, как в детстве осаждала родителей просьбами купить мне собаку.

— Ага, — Слава усмехнулся, и в его глазах заплясали веселые искорки. — Ты вспомнила того гигантского игрушечного пса, которого тебе дядя Андрей подарил вместо настоящего? Бедняга... Ты его тогда с балкона выкинула. Мы с отцом как раз к подъезду подходили, когда эта махина шлёпнулась прямо перед нами, едва не сбив нас с ног. Помнишь, какую истерику ты закатила? Кричала, что он «не дышит» и «не любит тебя».

Мира рассмеялась, закрыв лицо ладонями. Как же стыдно ей было потом, когда отец молча поднял грязного, но всё ещё улыбающегося плюшевого зверя и отнес обратно в квартиру.

Она хорошо помнила лицо дяди Сергея. В тот миг, когда сосед со второго этажа, высунувшись из окна, заорал что-

то невинное про осторожность, выражение его глаз изменилось с недоумения на немой ужас. А потом раздался глухой звук упавшей с четвертого этажа игрушки.

Тогда вслед за гигантским псом в пустоту полетели и другие «жертвы» её детского бунта: любимый плюшевый заяц с оторванным ухом и кукла в пышном платье — новогодний подарок, который она берегла пуще глаз. Они кружились в воздухе, словно парашютисты, прежде чем бесшумно исчезнуть в густых кустах сирени растущей под балконом.

— Слав, а ты помнишь тот день, когда мы решили поиграть в прятки? — Мира рассмеялась, воспоминания одно за другим всплывали в памяти, вытесняя неловкость прошлого. — Как нас потом искали родители? Весь дом перевернули вверх дном!

Слава хмыкнул, качая головой:

— Ещё бы не помнить. Ты тогда выбрала «идеальное» укрытие — кладовку. И чтобы я туда поместился, ты буквально втиснула меня под самую нижнюю полку.

— Зато никто не нашел! — гордо заметила Мира.

— Зато ты мне все ноги оттоптала, пока мы там сидели, затаив дыхание, — парировал брат, потирая колено, будто боль ощущалась до сих пор. — Я думал, останусь хромым на

всю жизнь. Но главное — мы победили. Твоя мама даже плакала от волнения, а папа грозился разобрать наше убежище.

Слава улыбнулся, позволяя себе на мгновение раствориться в теплом тумане воспоминаний. Детство, юность, первые студенческие годы — всё это казалось сейчас другой жизнью, яркой и беззаботной. Он помнил Миру разной: маленькой хитрюгой, которая мастерски спихивала вину за разбитую вазу на него; подростком, рыдающим у него на плече из-за первой неразделенной любви; студенткой, которая использовала его как жилетку для слез, когда экзамены казались концом света.

Но самым ярким пятном в той мозаике был один осенний вечер.

Он провожал сестру с тренировки по карате. Мира шла рядом, всё ещё в белоснежном кимоно, перекинув через плечо потертую спортивную сумку. Она была уставшей, но сияющей от предвкушения предстоящих соревнований, и болтала без умолку о каких-то пустяках. Они брели знакомыми дворами, смеялись над чьей-то шуткой, и вдруг тишину разорвал скрип гравия.

Из-за угла гаражей, словно тени, отделились трое парней. Их взгляды были липкими и недобрыми, изучающими добы-

чу. Слава почувствовал, как холодеют ладони. Он не успел испугаться по-настоящему, лишь инстинктивно сжал кулаки в карманах куртки, понимая свое бессилие перед численным превосходством.

Но Мира не отступила ни на шаг. Она шагнула вперед, и в её движении было что-то хищное, отточенное тысячами повторений. Будто её спарринг ещё не закончился.

— Отойдите, — произнесла она тихо. Голос не дрогнул, он резанул воздух, как лезвие бритвы.

Парни замялись, сбитые с толку её уверенностью. Один, самый наглый, усмехнулся и потянулся схватить её за плечо. Этого касания хватило. В одно молниеносное движение Мира скрутила ему руку за спину. Хруст суставов прозвучал громко в тишине двора. По лицу хулигана пробежала гримаса дикой боли, он согнулся пополам, издав сдавленный стон.

Остальные двое отшатнулись, оценивая ситуацию не в свою пользу. Мира медленно разжала хватку, оттолкнула парня в сторону, спокойно поправила выбившуюся прядь волос и, взяв брата под локоть, будничным тоном, будто они просто обсуждали погоду, произнесла:

— Пошли.

Они прошли этот злополучный участок дороги молча. И только когда угроза осталась позади, Слава заметил, как мелко, почти незаметно дрожали её пальцы. Не от боли. От адреналина. Или от страха, который она так героически скрывала.

Воспоминание оборвалось так же резко, как и началось. Беззаботность исчезла в один день, сменившись черной, вязкой тишиной. Год исчезновения родителей Миры стал водоразделом, отделяющим «до» от «после». Слава помнил тот ад с точностью до минуты: травлю со стороны бывших одноклассников, которые шептались за спиной; назойливых журналистов, тыкавших микрофонами в лицо; холодные допросы в полиции. Друзья семьи, одни за другими, отвернулись, испугавшись скандала или просто не зная, что сказать. Они оставили Миру одну наедине с унижениями, домыслами и тяжелым, давящим обвинением в том, что её родители сами выбрали свой путь.

Они шли не спеша, позволяя воспоминаниям течь свободно, словно река после долгой засухи. Вокруг кипела жизнь: мимо, звеня спицами и смеясь, пролетела стайка велосипедистов, оставляя за собой шлейф из осенних листьев. На встречу им, ритмично отбивая шаги по асфальту, бежал мо-

лодой человек в спортивной форме. «Наверное, готовится к марафону», — мельком подумала Мира, скользнув взглядом по его сосредоточенному лицу.

Бегун приближался быстро. Когда расстояние между ними сократилось до минимума, он вдруг резко изменил траекторию. Это был не случайный маневр, а расчетливый, хлесткий удар плечом. Мира не успела даже вскрикнуть. Воздух вышибло из легких, равновесие предательски исчезло, и её маленькая сумочка, соскользнув с плеча, с глухим стуком упала на асфальт.

Прежде чем она успела моргнуть или сделать шаг назад, незнакомец ловко, почти профессионально, подхватил сумку на ходу и рванул дальше, растворяясь в потоке прохожих.

Мира замерла, глядя на пустое место, где только что была её вещь. Секундная пауза, тишина в голове, а затем холодное осознание окатило её волной: её обокрали. Прямо на глазах у брата.

Она резко обернулась, ожидая увидеть Славу, готового ринуться в погоню. Но рядом никого не было. Пустота.

И в этот самый момент, разрезая напряженную тишину, звонкий детский голос крикнул откуда-то сбоку, указывая пальцем в сторону узкого переуллка:

— Смотрите! Там кого-то бьют!

Мира ускорила шаг, повинаясь резкому, почти отчаянно-му жесту маленькой девочки. Сердце колотилось где-то в

горле, а воздух обжигал легкие. Она почти бежала, пробираясь сквозь плотную стену любопытствующих взглядов и приглушенного гула толпы, которая уже успела окружить эпицентр событий кольцом.

Когда она наконец вырвалась на свободное пространство перед ней, картина застыла перед глазами леденящим душу кадром. Её брат, Слава, методично и жестоко «обрабатывал» того самого бегуна. Оказалось, он не стал ждать помощи или звонить в полицию — инстинкт охотника сработал мгновенно. Слава бросился в погоню сразу же, настиг вора у соседнего переулочка и, не давая тому опомниться, врезал ему ногой под дых.

Бедняга, пытаясь увернуться от нового удара, потерял равновесие и рухнул на тротуарную плитку. Теперь он лежал, свернувшись калачиком, судорожно прикрывая голову руками и принимая на себя град ударов, каждый из которых отдавался глухим, неприятным звуком.

— Слава! Стой! — крикнула Мира, бросаясь к нему и хватая за плечо.

Но её попытка оказалась тщетной. Брат словно сорвался с цепи; в его глазах плясал безумный огонь ярости, затмевающий разум. Он даже не посмотрел на сестру, продолжая на-

носить удар за ударом.

— Ах ты гад! Какого чёрта мою сестру толкнул, паршивец?! — хрипел он, задыхаясь от напряжения. — Тебе жить надоело?!

Подошва его кроссовка снова опускалась на скрюченное тело.

— Я тебе покажу, как воровать чужие вещи! — рычал Слава, и в каждом слогe звучала первобытная, неконтролируемая жажда возмездия. — Прибить тебя мало!

Девушка пыталась схватить брата за руку, но он отмахнулся от сестры, словно та была назойливой мухой.

В толпе зевак, сгрудившихся вокруг лежащего парня, произошло движение. Кто-то из прохожих, видимо, уже успел набрать номер, или же патруль просто оказался рядом, привлеченный шумом драки.

— Расступитесь! Граждане, не мешайте работать! — раздался грубый мужской голос.

Толпа неохотно расступилась, пропуская двоих в полицейской форме. Один из них, постарше и с более строгим лицом, сразу взял ситуацию под контроль. Его напарник, мо-

лодой и щеголеватый, с хитрым прищуром, подошел к лежащему на тротуарной плитке вору, и осмотрелся по сторонам.

— И кто тут у нас? — протянул тот что постарше, глядя сверху вниз. — Максим? Опять за старое? Чью собственность на этот раз решил присвоить?

Максим, потирая ушибленное плечо, молча ткнул пальцем в сторону Миры. Затем он поднял голову, и его лицо изказила гримаса боли и досады.

— Я ничего не спер... — пробормотал он, но голос звучал неуверенно.

— Не спер, говоришь? — перебил его старший лейтенант, поднимая с земли сумочку Миры. Он вертел её в руках, изучая, как диковинный артефакт. — А это что по-твоему? На мужской аксессуар как-то не тянет. Вставай давай. Хватит дорогу блокировать. Только и делаешь, что людям нервы треплешь. Сейчас отвезем в участок, пара суток в «обезьяннике» остудят твой пыл. Может, одумаешься.

Пока старший возился с задержанным, второй полицейский подошёл к Мире. Он медленно, оценивающе осмотрел её фигуру, и его маслянистый взгляд скользнул по ней с наглой, неприкрытой прямоотой.

«Скользкий тип», — мгновенно пронеслось в голове у Миры. Инстинкт самосохранения, отточенный годами тренировок и жизненных испытаний, включился на полную мощность.

— Ваша вещь? — спросил он, кивнув на сумочку в руках своего коллеги, хотя вопрос был риторическим.

Мира уверенно кивнула и протянула руку, ожидая, что ей сейчас же вернут пропажу.

— Да, это моя сумка. Верните, пожалуйста.

Но полицейский не спешил. Вместо этого на его лице расплылась широкая, неприятная ухмылка. Взяв сумку у напарника он продолжал держать её, словно взвешивая варианты. Видя, что старший занят, он решил проявить инициативу.

— Младший сержант Никитин, — представился он, переходя на официально-вежливый тон, который контрастировал с его взглядом. — Гражданка, будете писать заявление? Процедура стандартная, протокол, объяснительная...

Он сделал паузу, наблюдая за реакцией девушки, явно наслаждаясь моментом власти. Затем, заметив неодобрительный взгляд старлея, который уже поднялся с колен, Никитин нехотя протянул Мира сумку, но потом передумал.

— Сумочку-то отдай девушке, — буркнул старший. — Или оставишь себе как вещдок?

Никитин фыркнул, но спорить не стал. Когда Мира попыталась забрать свою вещь, он на долю секунды придержал ремешок, словно проверяя её силу, но затем отпустил. Его пальцы едва коснулись её руки, оставив после себя неприятное ощущение липкости.

Мира поняла игру. Если она напишет заявление, этот «Никитин» будет иметь повод контактировать с ней снова, тянуть время, задавать лишние вопросы. Ей не нужны были ни протоколы, ни его внимание.

Она крепче сжала ремешок сумки, чувствуя, как внутри закипает холодная злость. На мгновение она замялась, изображая растерянность, а затем отрицательно мотнула головой.

— Зачем? — её голос прозвучал спокойно и твердо. — Сумка на месте, ничего не пропало. А вот молодому человеку это будет уроком: не стоит брать чужое. Да и задерживать его, я думаю, не стоит. Мало ли какие у человека были причины... Может, просто ошибся.

Старший лейтенант удивленно вскинул бровь, но кивнул, явно довольный тем, что не придется тратить время на бумажную волокиту. Никитин же разочарованно пожал плеча-

ми, но в его глазах всё ещё плясали опасные огоньки.

Услышав её слова, парень замер. Он поднял голову и с неподдельным интересом уставился на девушку. Впервые за много лет — с тех пор как он хлопнул дверью родительского дома и ступил на скользкую дорожку криминала, — его не поливали грязью, не унижали прилюдно и не называли «отбросом общества». Напротив, к нему отнеслись по-человечески.

Раньше лишь один человек смотрел на него иначе. Цилинь. Его единственный друг, который всегда находил понимание, вытаскивал из передраг, в которые Макс часто вляпывался сам, а иногда — по вине того же азиата. Вот и сейчас план был прост: привлечь внимание этой странной, слишком спокойной девушки. А какой способ лучше старого доброго шока? Сценарий с ограблением родился мгновенно. Недаром пару лет назад, до встречи с Цилинем, Макс промышлял карманными кражами. Ради этого спектакля ему даже пришлось несколько дней следить за ней, изучая маршруты и привычки.

Мира поймала его взгляд. В её глазах не было ни страха, ни осуждения, только тихое любопытство. Она слегка улыбнулась.

— Тебя Максим зовут? — спокойно произнесла она, словно спрашивала время у прохожего.

Парень лишь кивнул, продолжая сидеть на холодном асфальте и механически отряхивать пыль с куртки.

— Максим... — хрипло отозвался он.

— Скажи мне, Максим, зачем тебе моя сумочка? — в её голосе звучала не угроза, а искреннее недоумение.

Слава, который всё это время наблюдал за диалогом с нарастающим раздражением, наконец не выдержал. Он резко шагнул вперед, схватил сестру за локоть и потянул в сторону, подальше от вора.

— Мирка, брось! — шикнул он, метнув злой взгляд на сидящего парня. — Он же обычный воришка. Кроме краж ничего в жизни не умеет. Зачем ты тратишь время и задаешь вопросы этому отребью? Пойдём отсюда, пока они не передумали нас отпускать.

Девушка посмотрела на брата, он никогда не был таким. Всегда спокойный и собранный, никогда не обижал людей, даже в тот год с хулиганами, драку затеяла она сама. Сейчас она, всё же, решила дать молодому человеку шанс, ответив брату спокойным голосом:

— Слав, мы же не знаем, что заставило его пойти на это. Может, ему не хватает денег на жизнь, а может, он так же, как и я, лишился родителей.

Брат усмехнулся, окинул поверженного противника презрительным взглядом и передёрнул плечами:

— Тебе не кажется, что ты всё выдумываешь? С чего такие выводы? Я, например, вижу перед собой закоренелого преступника.

Мира нахмурилась. Она не ожидала, что брат окажется настолько бессердечным.

— Ты ведь не думаешь, что он украл сумочку просто по прихоти? Может, его заставили, — сделала она последнюю попытку защитить парня.

Но по выражению лица у брата видно: он уже сделал свой вывод.

Максим, видя, что девушка встала на его защиту, сначала дерзко глянул на Славу, а потом перевёл взгляд на Миру. Его мысли путались: сначала он решил, что она просто жалеет нерадивого вора, но её слова заставили его задуматься, прав ли был Цилин, втягивая эту девушку в своё дело.

Тем временем Мира снова повернулась к молодому человеку.

— Максим?

Парень кивнул.

— Составишь нам компанию?

Максим удивлённо посмотрел на Миру; в его глазах читался немой вопрос: «Что тебе от меня нужно?»

Девушка, заметив его недоумение, снова улыбнулась.

— Ты не думай, ничего такого. Я просто хочу предложить, в качестве извинений, присоединиться к нам. Мы с братом идём в кафе, хотим отпраздновать маленькую победу.

На самом деле, Мире стало интересно, кто этот молодой человек и почему он занялся воровством, поэтому под видом приглашения она решила всё разузнать. Слава же, напротив, был явно недоволен, но, зная нрав сестры, решил отступить. Он понимал: если Мира вбила себе что-то в голову, отговорить её всё равно, что попытаться остановить цунами. С виду мягкая, но внутри упрямая, она всегда добивалась своего.

Глава вторая. Ключ к прошлому

За два дня до запланированного отъезда телефон разорвал тишину квартиры резкой трелью. На экране высветился неизвестный номер. Мира колебалась мгновение, прежде чем принять вызов.

— Мирослава? — голос на другом конце провода зазвучал сразу, без приветствий. Мужской, низкий, с легким, едва уловимым азиатским акцентом, который придавал речи особую, чеканную мелодичность. — Это Си Вэй.

Голос собеседника был подобен бархату, натянутому на сталь. В нем чувствовалась не просто уверенность лидера, но и какая-то древняя, скрытая сила, эмоциональная глубина, которую невозможно было подделать.

— Здравствуйте, — вежливо отозвалась Мира, инстинктивно выпрямляясь, словно перед ней стоял не невидимый абонент, а живой человек.

Но в ответ она услышала лишь сухой, отстраненный тон, лишенный всякой светской любезности.

— Звоню напомнить: через два дня встречаемся в фойе аэропорта. Девять тридцать.

Никаких «как дела», никаких уточнений о самочувствии или готовности. Чистая, дистиллированная инструкция. Мира кивнула в пустоту, принимая этот жесткий формат общения как данность.

— А билеты? — спросила она, и собственный голос показался ей неуверенным, почти детским. Она попыталась вспомнить детали разговора с профессором, но в памяти всплывали лишь общие фразы о необходимости ехать.

На линии повисла пауза. В этой тишине Мира отчетливо почувствовала легкое, холодное раздражение собеседника.

— Этим занимается Анатолий Викторович, — сухо отрезал Си Вэй.

В ту же секунду стационарный телефон на столе разразился требовательной трелью, нарушив неловкую вязь молчания.

— Извините, — бросила Мира в трубку мобильного и, не дожидаясь ответа, переключилась на другой аппарат.

— Мира, здравствуй! — голос профессора Анатолия Викторовича звучал взволнованно, с привычной для него суетливой интонацией. — Ты уже говорила с нашим проводником?

— Да, звонок еще не закончен, — ответила девушка, невольно улыбаясь его энергии.

— Чудесно, чудесно! — затараторил он. — Я только что отправил билеты на твою электронную почту. Для тебя и для Вячеслава. Вылет первого апреля, одиннадцать тридцать пять, рейс пять тысяч шестьдесят шесть, авиакомпания «SSeven Airlines». — Профессор сделал глубокий, шумный вдох, словно набираясь сил перед следующей тирадой. — Рейс прямой, до Новосибирска. Не волнуйтесь, в аэропорту вас встретят и доставят прямо к месту раскопок. Все организовано.

— Поняла вас, Анатолий Викторович. Спасибо.

Положив трубку, Мира тут же проверила почту. Письмо с вложениями уже лежало во входящих. Следуя инструкции, она сохранила электронные билеты в телефоне, чтобы позже, в аэропорту, распечатать посадочные талоны.

Попрощавшись с профессором, девушка вернулась к мобильному. К её удивлению, линия не была разорвана. Си Вэй всё ещё был на связи, терпеливо, как хищник в засаде, ожидая окончания её разговора.

Не дав Мире произнести ни слова, он перебил её тем же ровным, ледяным тоном:

— Вы всё запомнили?

— Да, — растерянно выдохнула она, чувствуя себя школьницей у доски.

— Отлично.

Голос звучал сосредоточенно, финально. Мира не успела задать ни одного вопроса, не успела даже спросить, как его узнать в толпе, как в трубке раздались короткие, рубленые гудки. Связь оборвалась, оставив после себя звенящую тишину и странное ощущение, что за ней уже начали наблюдать.

Вечер того же дня выдался тихим и уютным, пока резкий звонок в дверь не разорвал тишину. Товарищ Майор, дремавший на подоконнике, мгновенно наострил уши. Его хвост нервно дернулся, а затем кот издал низкое, предупреждающее мяуканье, всем своим видом выражая крайнее недовольство вторжением в его владения.

Мира пожала плечами и подошла к двери. Щелкнул замок, дверь распахнулась, но на лестничной клетке было пусто. Ни соседей, ни курьеров — только тусклый свет лампоч-

ки и холодный сквозняк. Взгляд девушки упал вниз: прямо у порога, на потертых ковриках, лежал небольшой сверток, аккуратно завернутый в плотную коричневую бумагу.

Она наклонилась, чтобы поднять находку, но в этот момент Майор сорвался с места. Кот резко зашипел, выгнув спину дугой, и метнулся к свертку, преграждая хозяйке путь. Его глаза были расширены от ужаса, шерсть на загривке встала дыбом.

— Ну же, Майор, тише, успокойся, — мягко произнесла Мира, пытаясь обойти разъяренного питомца. — Это всего лишь посылка. Ничего страшного.

Но кот не отступал. Он бил лапой по воздуху, издавая глухие, угрожающие звуки. Мира, чувствуя абсурдность ситуации, осторожно обошла его стороной и взяла сверток в руки. Бумага была шершавой и холодной на ощупь. Почувствовав поражение, Майор издал последнее, полное достоинства «мяу», развернулся и стремглав ретировался под кровать, откуда тут же донеслось глухое шипение.

— Интересно, что там? И почему ты так реагируешь, старый ворчун? — задумчиво проговорила девушка, возвращаясь в комнату.

Она села за стол и аккуратно начала разворачивать упа-

ковку. Бумага шуршала, открывая содержимое. Внутри оказалась небольшая, но тяжелая шкатулка.

Из-под кровати снова донеслось яростное шипение, на этот раз более громкое и пронзительное. Мира замерла, разглядывая находку. Это был прямоугольный футляр из темного, потемневшего от времени металла. Поверхность была сплошь покрыта сложными иероглифами, напоминающими древнекитайское письмо или, возможно, еще более архаичные символы. Линии были глубокими, будто вырезанными не инструментом, а самим временем.

Девушка попыталась открыть крышку, но та не поддавалась. Она провела пальцами по краям, нажимая на незаметные углубления, искала скрытые защелки или кнопки, но механизм молчал. Шкатулка казалась монолитной, словно отлитой из одного куска металла.

Товарищ Майор продолжал свою симфонию недовольства из укрытия. Теперь в его звуках слышалась не просто осторожность, а настоящая, первобытная ярость. Мира посмотрела на кота, потом на загадочный предмет, и по спине у нее пробежал легкий холодок. Обычные послышки не вызывают такой реакции у животных.

Звонок в дверь раздался снова, на этот раз более настой-

чиво и весело. Мира, всё ещё держа в руках загадочную шка-
тулку, пошла открывать.

За порогом стояла вся её компания: Карина, Вадим и Ма-
рат. А за их спинами, скромно прячась за широкой фигу-
рой Марата, стоял Максим — тот самый «вор», с которым
она столкнулась утром. В руках у Вадима балансировали три
огромные упаковки суши, от которых пахло свежей рыбой и
рисом, а Карина торжественно держала две синие бутылки
охлажденного рислинга.

— Мирка! Ты только представь! — выпалила Карина, ед-
ва переступив порог и ставя вино на тумбочку. — Подходим
к дому, а возле подъезда стоит этот красавчик и гипнотизи-
рует твои окна! — Она театрально ткнула пальцем в сторону
Максима, который смутился и опустил взгляд. — Призна-
вайся, где отхватила такого кавалера? Романтик проклятый!

Бывшие однокурсники не только любили собираться у
Миры, но и не упускали случая подтрунить над подругой,
особенно когда дело касалось личной жизни. Мира открыла
рот, чтобы ответить, что это вовсе не романтика, а стечение
обстоятельств, но в этот момент из-под кровати медленно, с
достоинством короля, вылез Товарищ Майор.

Всё внимание Карины мгновенно переключилось с потен-

циального жениха на кота.

— Ой, какой он серьезный! — взвизгнула она, приседая на корточки. — Майорчик, ты нас узнал?

Кот лишь лениво моргнул своими глазами, демонстрируя полное презрение к суеде гостей, но позволил почесать себя за ухом. Ребята, смеясь, разулись и прошли в комнату, заполняя пространство запахами еды и громкими голосами.

Максим же остался стоять в коридоре, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он чувствовал себя лишним в этой теплой, домашней атмосфере.

Мира заметила его растерянность. Отложив шкатулку подальше от посторонних глаз, она улыбнулась ему той самой мягкой, приглашающей улыбкой, которая обезоруживала лучше любых слов.

— Проходи, раз уж поднялся, — сказала она тихо, чтобы не слышали остальные. — Чего стоишь как чужой? Здесь все свои.

Воздух в квартире был густым от предвкушения диванной вечеринки, смешанным с ароматом кофе. Максим переступил порог, оставив за спиной шумный подъезд. Он вошел молча, инстинктивно копируя расслабленную походку

других гостей, но его внутреннее напряжение не ослабевало. Взгляд сам собой выхватил из пестроты гостиной единственный объект: на стеклянном журнальном столике, среди разбросанных журналов и бокалов, лежала металлическая коробочка. Она выглядела чужеродно — тусклой, тяжелой, словно выпавшей из другого времени.

Мира, заметившая его пристальный интерес, легко скользнула к столику и взяла шкатулку в ладони. Металл холодно блеснул под люстрой.

— Ребят, представляете? — её голос звенел легким возбуждением. — Буквально перед вашим приходом кто-то подкинул это мне под дверь. Ни записки, ни имени. Просто лежит.

Вадим и Марат переглянулись, обмениваясь скептическими ухмылками.

— Дай-ка посмотреть, — бросил Вадим, потянувшись было к предмету.

Но Мира, движимая внезапным импульсом или, возможно, подсознательным чутьем, обошла друзей и протянула шкатулку Максиму. Она передавала её бережно, словно хрупкую фарфоровую статуэтку, не сводя глаз с нового знакомого. Максим принял находку, и его пальцы сомкнулись

вокруг холодного металла. Его взгляд стал тяжелым, гипнотическим, прикованным к граням коробки.

«Странный он какой-то», — пронеслось в голове у Миры. В его спокойствии было что-то тревожное, напоминающее затишье перед грозой.

— Макс, может, у тебя получится открыть эту шкатулку? — спросила она, пытаясь развеять нарастающую неловкость и разговорить парня.

Комната погрузилась в тишину. Все взгляды переключились с безликого металла на лицо Максима. Он колебался. Казалось, он слышал тихий гул, исходящий изнутри предмета. Видя его нерешительность, Вадим нетерпеливо фыркнул и сделал шаг вперед, чтобы забрать «игрушку» обратно.

И именно в этот момент тишину разорвал дикое шипение.

Товарищ Майор, рыжий кот, который до этого мирно мурлыкал на коленях у Карины, вдруг превратился в клубок ярости. Шерсть встала дыбом, хвост бился как плеть, а глаза метали зеленые искры первобытного ужаса. Животное вырвалось из рук девушки и, издавая низкое, утробное шипение, ринулось прямо на Максима.

— Майор, ты что?! — вскрикнула Мира, пытаясь перехватить зверя.

Но было поздно. Кот вцепился когтями в руку Максима, той самой, что держала шкатулку. Раздался глухой звук царапаемого металла. Капля алой крови, выступившая на коже парня, упала прямо на крышку коробочки.

Звук был похож на шипение раскаленного железа, опущенного в воду. Внутри механизма раздался четкий, механический щелчок. Невидимый замок поддался. Крышка медленно, словно нехотя, приподнялась.

Свет в квартире мигнул и погас.

Мрак наступил не сразу — сначала ударил запах. Резкий, тошнотворный запах сырой земли, вековой пыли и чего-то сладковато-гнилостного. Подул ветер, ледяной и пронизывающий, пробирающий до самых костей, хотя окна были закрыты. Мире стало дурно; кожа покрылась мурашками, а затылок заныл от ощущения чужого, тяжелого взгляда, направленного ей в спину из темноты.

Реальность дрогнула и поплыла.

Перед глазами Мира, вытесняя знакомую обстановку го-

стиной, вспыхнули видения. Сначала — бескрайние барханы, под которыми угадывались контуры древнего города, поглощенного песками времени. Затем — длинная вереница фигур в лохмотьях, караван, бредущий сквозь марево жары. Картина сменилась мгновенно: молодая девушка, лет семнадцати, с перекошенным от ужаса лицом, окруженная кольцом оскаленных волчьих морд. И наконец — крошечные детские руки, цепляющиеся за одеяние человека в богатых, но мрачных одеждах жреца.

Это длилось всего мгновение, но казалось вечностью.

Щелчок. Свет вспыхнул снова.

Запах сырости исчез, сменившись привычным ароматом пищи и духов. Ветер утих. В комнате царило оживление: Вадим что-то рассказывал, размахивая руками, Марат смеялся, обсуждая планы на поездку, а Карина поправляла прическу, глядя в зеркало телефона.

Никто, кроме двоих, не заметил произошедшего.

Мира и Максим стояли посреди комнаты, застывшие в немом шоке. Их взгляды встретились, и в глазах парня Мира увидела тот же ужас и узнавание, что бушевали в её собственной душе. Они видели одно и то же.

— Мирка? Ау? — голос Карины прозвучал как из далекого колодца, выдергивая девушку из транса. — Что с вами, ребята? Эй...

Карина нахмурилась, переводя взгляд с побледневшей подруги на окаменевшего Максима.

— Что с вами? Вы чего застыли как истуканы?

Максим молчал. Его пальцы все еще судорожно сжимали шкатулку, теперь уже открытую, но пустую на вид. Мира лишь растерянно покачала головой, не в силах подобрать слова, чтобы описать увиденный кошмар.

— Ладно, не хотите — не говорите, — фыркнула Карина, решив, что друзья просто разыгрывают её или перебрали с настроением. Она повернулась к парням: — Ребят, а что это за штука вообще? Откуда такая древность?

Вадим и Марат равнодушно пожали плечами. Интерес к таинственной находке угас так же быстро, как и возник. Для них это была просто странная безделушка, не стоящая внимания. Разговор снова потек в привычное русло сборов, шуток и планов.

Лишь Мира продолжала смотреть на Максима. А он, не

отрывая взгляд от металлической коробки в своей руке, чувствовал, как внутри неё начинает тихо, едва слышно пульсировать что-то живое.

Первое апреля выдалось на редкость серым и промозглым, словно сама природа решила подыграть дате, обманув ожидания весеннего тепла. В гулком зале аэропорта «Храброво» собралась небольшая, но сплоченная компания молодых археологов. Воздух здесь всегда пахнет кофе, дешевым парфюмом и нетерпением отъезда, но в этот раз к обычному аэропортовскому шуму примешивалось легкое нервное напряжение.

Не хватало только одного человека — Си Вэя.

Мира беспокойно огляделась, выискивая знакомую фигуру в пестрой толпе туристов, и наконец поймала взгляд своего брата.

— Где он? — беззвучно спросила она, кивнув на пустое пространство у стойки регистрации.

Брат лишь усмехнулся, поправляя лямку рюкзака.

— Расслабься. Наш проводник уже здесь. Скорее всего, ждет нас где-то в зоне вылета, наблюдает за нами со стороны. Он любит так делать.

Группа тронулась дальше, вливаясь в поток людей, направляющихся к рамкам металлодетекторов. Мира шагнула вперед, автоматически подняв руки, но в тот самый миг, когда она пересекала невидимую границу контроля, кто-то легко, почти невесомо коснулся её плеча.

От этого прикосновения по спине пробежал холодок. Мир вдруг словно сгустился, стал вязким и тяжелым. Девушку накрыло странное, липкое чувство дежавю — точь-в-точь такое же, как тогда, в той старой квартире, когда они впервые открыли шкатулку. Тогда из неё тоже повеяло затхлой сыростью, запахом земли и чего-то древнего, что не должно было беспокоить живых.

Мира резко обернулась, ожидая увидеть насмешливое лицо коллеги или случайного прохожего. Но за спиной была лишь пустота и равнодушные лица людей, спешащих по своим делам. Никого.

Эта маленькая пауза, эта секунда застывшего ужаса не ускользнула от внимательного взгляда Вячеслава. Он уже прошел досмотр и теперь стоял чуть в стороне, наблюдая за девушкой с легкой тревогой, смешанной с привычным братским раздражением.

— Мирка, ты чего там застряла? — его голос прозвучал громко, разрывая тягостную тишину, возникшую в голове

девушки. — Давай живее, самолет не будет ждать наших призраков.

Девушка рассеянно поставила вещи на ленту транспортера, наблюдая, как они исчезают в черном тоннеле рентгена.

— Не знаю. Какое-то странное предчувствие. Такое обычно бывает когда, что-то должно случиться.

Брат, как всегда, остался верен себе.

— Да брось. Ещё накличешь беду на свою голову.

Пройдя досмотр, дружная компания направилась в зал ожидания. Лишь Марат задержался у стойки кафетерия, где бармен обслуживал посетителей. Молодой человек всегда нервничал перед перелетами, поэтому, он сразу направился к единственному месту в аэропорту, где как ему казалось, время течёт не так пугающе быстро.

Воздух в зале ожидания сектора А густел от смеси остывшего кофе, дешевого парфюма и электрического напряжения, свойственного местам вынужденного простоя. Здесь время текло иначе — вязко и неравномерно, разбиваясь о гулкие стены и мигающие табло расписаний.

В центре этого людского муравейника кипела своя, особая жизнь. Группа подростков, сбившись в плотный кокон вокруг пары взрослых, что-то яростно доказывала. Их голо-

са то взмывали вверх, пронзительные и звонкие, то срывались на глухой ропот. Жесты были резкими, угловатыми; казалось, они не просто спорили, а пытались перекроить реальность под свои нужды прямо здесь, на потертых сиденьях. Взрослые лишь пожимали плечами, их лица выражали смесь усталости и снисходительного терпения, будто они наблюдали за игрой, правила которой давно забыли.

Поодаль, в тени массивной колонны, царил островок тишины. В глубоком кресле, утопая в складках шерстяного пледа, дремала старушка. Ее голова ритмично покачивалась, подбирая такт едва слышному звуку, доносившемуся с ее колен. Там, в пластиковой переноске с решетчатыми стенками, спало маленькое существо. Тихое, влажное посапывание пробивалось сквозь пластик, создавая хрупкий контраст с окружающим шумом. Старушка иногда приоткрывала один глаз, проверяя, все ли в порядке с ее тихим спутником, и тут же снова погружалась в дремоту, охраняемая этим нежным звуком.

У стены, где стояли автоматы, разыгрывалась другая драма. Холодный белый свет светодиодов высвечивал лица двух молодых женщин и техника в синем комбинезоне. Мужчина, не обращая внимания на эмоциональный фон, методично возился с механизмом снекового аппарата, его руки были испачканы машинным маслом и крошками печенья. Та из

женщин, что выглядела постарше, была вне себя. Она размахивала банковской картой, словно шпагой, отсекая воздух перед лицом невозмутимого сотрудника.

— Это недопустимо! — ее голос дрожал от возмущения, перекрывая жужжание холодильных установок. — Деньги списаны, а чипсы застряли! Вы понимаете, какой это стресс?

Техник лишь вздохнул, даже не поднимая глаз от люка выдачи, а ее спутница, младшая и более бледная, смотрела в пол, явно желая раствориться в кафельной плитке. Карта в руке старшей женщины блестела, как холодное оружие в этом маленьком, абсурдном сражении за справедливость и шоколадный батончик.

Мира скользила рассеянным взглядом по пестрой толпе, пытаясь вычленить из хаоса знакомые черты. Люди сливались в размытое пятно: деловые костюмы, спортивные сумки, усталые лица. Она так увлеклась поисками, что не заметила стремительного движения сбоку.

Внезапно в бок словно врезался маленький снаряд. Мира покачнулась, инстинктивно выставив руки, чтобы удержать равновесие, и опустила взгляд.

— Привет!

Голос прозвенел не в ушах, а прямо внутри головы — чистый, хрустальный, похожий на звук серебряного колокольчика, ударившего о лед. Мира замерла. Перед ней стояла девочка лет пяти, с растрепанными светлыми волосами и огромными, не по-детски серьезными васильковыми глазами. В этом взгляде было столько глубины и спокойствия, что у Мира перехватило дыхание. Ребенок показался ей до боли знакомым, словно кусочек собственной памяти, внезапно обретший плоть.

Девушка наморщила лоб, пытаясь зацепиться за ускользающую нить воспоминаний. Память, словно услужливый библиотекарь, тут же подкинула нужную карточку: тот самый день в сквере. День, когда какой-то парень по имени Максим попытался вырвать у нее сумочку. Тогда она была в панике, кричала, а рядом, на скамейке, играла с собакой маленькая девочка. Та самая. Но тогда девочка смеялась вслух, лепетала что-то псу обычным детским голосом. Почему же сейчас Мира слышит её приветствие прямо в голове? От этой мысли по спине пробежал холодок.

— Простите, — к ним уже спешила женщина, которую Мира видела ранее. Та выглядела взволнованной, но держалась с достоинством.

— Ничего, всё хорошо, — ответила Мира, но собствен-

ный голос предательски дрогнул. Она хотела спросить: «Она у вас... особенная?», но слова застряли в горле.

Женщина не дала ей договорить. Она мягко, но твердо взяла девочку за плечико и обернулась к ней:

— Лия, милая, пойди разбуди бабушку. Скоро посадка.

Девочка кивнула, её васильковые глаза на секунду встретились с глазами Миры, и в них мелькнуло что-то вроде понимания, прежде чем она побежала к дремлющей старушке с переноской.

Затем женщина снова повернулась к Мире, и её лицо омрачилось тенью печали.

— Простите еще раз. Лия, верно, напугала вас? — она тихо вздохнула. — После авткатастрофы, в которой погибли родители малышки, она... стала другой. Замкнулась. Говорят, это защитная реакция психики.

Женщина грустно улыбнулась, кивнула на прощание и отошла к пожилой даме, помогая той собрать вещи.

«Значит, эта женщина — не мать», — пронеслось в голове у Миры. Опекун? Тетка?

Мысли девушки потекли в другом, более мрачном направ-

лении. Каково это — в пять лет остаться совсем одной в этом огромном, шумном мире? Потерять опору, когда ты еще даже не научился завязывать шнурки? Мира вспомнила тот день, когда ей позвонили и сообщили о пропаже родителей. Тогда ей казалось, что земля уходит из-под ног, что воздух стал слишком разреженным, чтобы дышать. Мир рухнул в одночасье, превратившись в черно-белое кино, где «завтра» больше не существовало.

Она тяжело вздохнула, отгоняя наваждение. *Хоть бы мама с папой были живы*, — мысленно помолилась она неизвестным силам, хотя разум подсказывал, что надежды почти нет.

Мира ещё раз обвела внимательным взглядом зал ожидания. Сердце болезненно сжалось: Си Вэя нигде не было. Ни у автоматов, ни у выхода, ни в группе спорящих подростков. Пустота вокруг становилась осязаемой.

Она вопросительно посмотрела на брата, стоявшего рядом. Тот лишь пожал плечами, его лицо оставалось непроницаемым. В этот момент динамики ожили, и металлический голос объявил начало посадки. Толпа заколыхалась, подхватывая багаж. Группа двинулась к стойке регистрации, где сотрудники авиакомпании, сохраняя профессиональное безразличие, один за другим проверяли документы, проводя

сканерами по посадочным талонам. Мира шагнула вперед, унося с собой эхо странного детского голоса, звеневшего где-то в глубине сознания.

В салоне самолета царила привычная суeta предпо-лет-ной суматохи. Пассажиры, подгоняемые инстинктом ста-дного чувства и страхом опоздать, лихорадочно заталкивали ручную кладь в переполненные верхние отсеки. Где-то в хвосте грузный мужчина в помятой, потерявшей вид рубашке возвышался над толпой, требуя освободить место у окна.

— Я его купил! — гремел он, тыча пальцем в посадочный талон, как в щит. — Это мое законное право смотреть на облака, а не на ваши затылки!

У аварийного выхода, где пространство было более про-сторным, стояла пустая инвалидная коляска, словно немой свидетель чьей-то уязвимости. Рядом, на обычном кресле, сидела женщина и говорила по телефону, плотно прикрыв рот ладонью, чтобы ее интимные тайны не стали достоянием общест-венности. Ее глаза бегали по салону, полные тревоги.

Наконец, гул стих. Все расселись, пристегнулись, выдох-нули. В динамиках раздался бархатистый голос капитана лайнера, приветствующий пассажиров на борту. Затем стю-ардессы, двигаясь синхронно, как балерины, начали демон-страцию правил безопасности. Их руки плавно показывали,

как надевать кислородную маску, как расстегивать ремень, но Мира слушала вполуха.

Повернув голову, она ожидала увидеть рядом брата, но вместо него место занял проводник Си Вэй. Он сидел идеально прямо, его лицо оставалось непроницаемой маской спокойствия. Взгляд азиата медленно скользил по обшивке салона: по стыкам пластиковых панелей, по бликам на иллюминаторах, по металлическим защелкам полок для багажа. Со стороны могло показаться, что он просто скучает или проверяет исправность оборудования. Но Мира, помня рассказы брата о странных способностях этого человека, понимала: Си Вэй не просто смотрит. Он считывает. Он обдумывал маршрут, просчитывал переменные и держал в уме что-то важное, скрытое от посторонних глаз, известное лишь ему одному.

«Интересно, откуда Слава может знать этого человека?» — пронеслось в голове у девушки. Она еще раз окинула соседа внимательным взглядом, пытаясь найти в его чертах хоть какую-то подсказку.

И тут, словно эхо в пустом колодце, в голове снова раздался тот самый хрустальный голос:

— Привет. Ты тоже летишь в Новосибирск?

От неожиданности Мира вздрогнула всем телом и даже привстала с кресла, испуганно оглядываясь по сторонам. Пассажиры рядом косились на нее, но источника звука не было.

— Я впереди тебя, — прозвенело вновь, уже с ноткой терпения.

Мира наклонилась вперед, заглядывая в узкую щель между спинками передних кресел. На нее уставился уже знакомый васильковый взгляд. Лия. Девочка сидела через ряд, спрятавшись за высоким подголовником. Мира облегченно выдохнула, чувствуя, как напряжение спадает с плеч. Она улыбнулась малышке, та ответила едва заметной улыбкой, и Мира, успокоившись, повернулась к иллюминатору.

В этот момент лайнер вырулил на взлетную полосу. Двигатели взревели, набирая мощь. За стеклом проносилось серое, изборожденное колеями поле. Ночью прошел сильный ливень, и огромные лужи, похожие на осколки зеркал, еще не впитались в землю, отражая свинцовое небо. Огромная крылатая машина дрогнула, словно гигантский зверь перед прыжком, затем мягко подпрыгнула и в следующую секунду оторвалась от бетона, устремляясь вверх.

Земля начала стремительно удаляться. Внизу проплывали березовые рощи, еще не одетые в весеннюю листву, их белые

стволы казались штрихами на сером полотне. Крошечные домики поселков, вспаханные поля, где копошилась сельхоз-техника, размером с игрушечную — все это становилось миниатюрным макетом мира. Люди внизу были не больше муравьев, их суета и проблемы теряли смысл с каждым набранным метром высоты.

Когда самолет пробил плотный слой облаков и вышел в ослепительную солнечную высь, внимание Миры привлекло нечто странное. Прямо перед носом лайнера, в разреженном воздухе, возникло необычное строение. Оно постоянно меняло очертания, переливаясь, как масло на воде. Девушка понимала рациональной частью мозга, что это мираж, игра света и преломления в атмосфере, но отвести взгляд было невозможно.

Строение напоминало древний храм с высокими колоннами и изогнутыми арками, архитектура которого не принадлежала ни одной известной ей культуре. На каменных пьедесталах, парящих в невесомости, сидели мистические животные: существа с телами львов и головами птиц, змеи с человеческими лицами. Они не имели ничего общего со славянскими сказаниями или греческими мифами.

Через несколько секунд храм растворился, уступив место другому видению. Появились воины в доспехах, покрытых

непонятными рунами. За ними шли мифические твари с горящими, как угли, глазами, а над всем этим величием расправляли перепончатые крылья драконы, чья чешуя отливала медью и золотом. Картина была настолько живой, что Мира почти почувствовала запах озона и раскаленного камня.

— Интересно?

Голос Си Вэя прозвучал тихо, но четко, отрывая девушку от гипнотического созерцания. Мира моргнула, возвращаясь в реальность салона. Она пожала плечами, стараясь скрыть растерянность, отвернулась от иллюминатора и встретила с его изучающим взглядом. В его темных глазах не было насмешки, только глубокий, древний интерес.

Увидев в её глазах немой вопрос, проводник продолжил, понизив голос так, чтобы слышала только она:

— То, что ты увидела в небе, не совсем фата-моргана. Скорее всего, это память пространства и времени. Эхо давно минувших событий, запечатленное в атмосфере. Земля помнит всё, Мира. Иногда она решает показать нам свои шрамы и сны.

Эти слова заставили Миру задуматься. О прошлом, о том, какой была эта земля несколько тысяч лет назад, какие битвы здесь гремели и какие боги здесь жили. Мысли путались, ста-

новились тяжелыми и вязкими. Она погрузилась в размышления, не замечая, как веки становятся свинцовыми. Сон накрыл ее мягкой волной.

Когда Мира открыла глаза, салон был погружен в полумрак. Она поняла, что проспала большую часть пути. Ее спутник, Си Вэй, сидел рядом, читая книгу, но заметив ее пробуждение, он жестом указал на ее пояс. Девушка посмотрела вниз и увидела, что ремень безопасности аккуратно застегнут поверх ее одежды. Лайнер уже начал снижение, закладывая плавный вираж.

После мягкого, почти невесомого приземления командир корабля объявил о благополучной посадке в Новосибирске. Салон мгновенно ожил, взорвавшись аплодисментами — традицией, ставшей ритуалом облегчения. Пассажиры зашевелились, потянулись к телефонам, чтобы сообщить родным о прибытии, другие уже стояли в проходе, доставая вещи с полок.

Маленькая группа археологов, к которой принадлежала Мира, не спешила. Они дождались, пока основная масса людей покинет салон, и вышли одними из последних.

У трапа Мира огляделась в поисках знакомого силуэта. И увидела Лию. Девочка стояла рядом с опекуном и пожилой

дамой. Увидев Миру, малышка подняла руку и подмигнула ей своим привычным, чуть лукавым жестом. Губы девочки шевельнулись, и хотя звука не было, Мира ясно услышала в голове:

— До скорой встречи. Мы скоро увидимся вновь.

Мира улыбнулась в ответ, чувствуя, как внутри разливается странное, теплое предчувствие. Впереди была новая земля, новые тайны и, возможно, ответы на вопросы, которые она еще даже не успела задать.

Автоматические двери аэропорта с шипением раздвинулись, выпуская группу в объятия сибирского вечера. Новосибирск встретил их не ласковыми объятиями, а резким, колючим приветствием: легкий морозец щипал щеки, заставляя инстинктивно кутаться в куртки. Воздух был прозрачным и звонким, пахнувшим талым снегом, выхлопными газами и чем-то неуловимо свежим, свойственным только большим городам на границе тайги.

Мира плотнее запахнула воротник, оглядываясь по сторонам. Вокруг суетились таксисты, громко выкрикивая цены, бегали встречающие с цветами, но их внимание привлекла фигура мужчины у черного микроавтобуса. Он держал в руках картонную табличку, на которой крупным маркером были выведены имена участников экспедиции.

— Наконец-то! — раздался радостный голос.

К ним уже спешили Евгений и Арина. Они прибыли накануне и успели освоиться: лица их разругались от ветра, а в глазах читалось нетерпение поделиться новостями.

— Как долетели? — тут же засыпала вопросами Арина, помогая Мире дотащить тяжелый рюкзак до машины. — У нас тут уже своя программа намечена, но мы ждали вас, чтобы начать официально.

Водитель, коренастый мужчина в теплой шапке-ушанке, молча и профессионально принял эстафету. Он открыл задний отсек микроавтобуса, куда с грохотом полетели чемоданы, кейсы с оборудованием и рюкзаки. Вещи улеглись плотно, как тетрис, занимая каждое свободное пространство.

Участники экспедиции расселись по салону. Мира выбрала место у окна, прислонившись лбом к холодному стеклу. Двигатель мягко зарычал, и машина плавно тронулась с места, вливаясь в поток вечернего трафика.

Они выехали на главную транспортную артерию региона — Чуйский тракт. Широкая магистраль, освещенная фонарями, уходила вдаль, рассекая темнеющий пейзаж. За окнами проносились огни пригородов, силуэты высоток и бесконечные ряды деревьев, мелькающих в свете фар. Город оста-

вался позади, уступая место дороге, которая, как знала Мира из отчетов, вела их не просто в другую точку на карте, а вглубь истории, скрытой под слоями земли и времени. В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гулом мотора и шепотом Евгения, что-то объясняющего Арине. Мира закрыла глаза, позволяя усталости после перелета взять свое, но внутри все еще звенело обещание девочки: «Мы скоро увидимся вновь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.